

Сказки о Великой войне реальность и вымысел в плакатах Первой мировой войны

Е. ЗИМЕНКО

Зав. сектором изоматериалов
Отдела редких книг и рукописей
Научной библиотеки МГУ имени
М.В. Ломоносова

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Первая мировая война (она же Великая Европейская, Германская, Империалистическая), хромолитография, плакат, лубок, коллаж, объявление войны, герои войны: полковник П.И. Комаров, казак Козьма Крючков, хорунжий Д. Боткин, отец Парфений Холодный; крейсер «Магдебург», зверства тевтонов, Клобуцк, Россия и Польша

АННОТАЦИЯ: Во время Первой мировой войны, в эпоху кино- и фотодокументалистики, в освещении войны продолжали преобладать хромолитографии, создававшие образ войны-праздника, героизировавшие события и искажавшие их иногда до неузнаваемости. Оптимистический колорит, декоративность фона должны были создавать бодрое настроение у народа, которому и адресовались эти картинки, которые становились частью государственной пропаганды. В их основе лежали печатные сообщения, в основном, газетной хроники. Сами картинки — плод выдумки художников, свободная фантазия на тему того, как могли бы выглядеть предложенные к рассмотрению события. После перелома в ходе войны и черной полосы неудач русской армии, начиная с зимы 1915 года, тиражи хромолитографий стали падать, постепенно сойдя к минимуму в 1916 году..

В истории мира не было ничего подобного. Война впервые захватила все стихии: землю, воздух, воду и даже ушла вглубь морей (ил. 1). Удушающие зловонные газы, убивающие все живое, казались порождением самого дьявола, и от них не было спасения. Бризантные снаряды огромной разрушающей силы не оставляли шансов выжить тем, кто попал под обстрел (ил. 2). Покрытые броней танки с тупой силой механических черепах давили солдат в окопах своим весом (ил. 3). Дирижабли и аэропланы грозили с воздуха прежде неприступным позициям (ил. 4). Словом, новинки техники XX века были брошены против слабого, хрупкого, почти беззащитного человека.

Эта война почти с самого начала получила название «Европейской войны», что мы читаем на серии плакатов литографии И.А. Стрельцова (Москва, 1914 г.), или «Великой Европейской войны» (на плакатах литографии торгового дома А.П. Коркин, А.В. Бейдемман и Ко, Москва, 1914 г.), или «Великой войны» (на плакатах литографии Иванова, Москва, 1914 г.). Правительством России делались даже попытки начать именовать ее Второй Отечественной войной, но русский народ упорно называл ее Германской — по имени главного противника.

В начале войны русское общество пережило минуты удивительного единения нации, что не без удивления отмечали многие политические деятели: «В день объявления войны тысячи рабочих, которые еще накануне вечером участвовали в революционных забастовках, направилась в знак солидарности к посольствам союзных стран. И на площади перед Зимним дворцом, той самой площади, которая была свидетелем трагедии января 1905 года, огромные толпы людей из всех слоев общества с воодушевлением приветствовали самодержца и пели «Боже, царя храни!»» [КЕРЕНСКИЙ А.Ф., 1993: СТР. 89] (ил. 5).

В освещении этой небывалой, беспрецедентной по охваченной территории, по людским ресурсам и техническому оснащению войны были использованы самые современные средства: фотография и кинохроника. Новые веяния коснулись и плака-

1

2

3

[РИС] 1
«Атака в Адриатическом море». Хромолитография. Издание М. Ларсена, в литографии И.Я. Виноградова. Москва, б.г.

[РИС] 2
«Война России с немцами. Действие наших бризантных снарядов». Хромолитография. В типо-литографии торгового дома А.В. Крылова и Ко, Москва, 1914 г.

[РИС] 3
«Эпизод из великого боя под Варшавой» (Серия «Великая Европейская война, № 183». Хромолитография., б.м, б.г.

та: в нем впервые были использованы коллажи, соединившие рисованный изобразительный ряд с фотографиями. Однако, в целом, образ Великой войны формировали не коллажи и фото, а по-прежнему хромолитографии, цветные картинки для народа, а на них война представляла ярким, чуть ли не веселым и увлекательным зрелищем.

Если же верить картинкам о войне, лубкам и плакатам, она — праздник, она — место героических подвигов и побед: то удалые казаки с пиками летят на удирающую вражескую конницу, то взрываются и разлетаются в клочья неприятельские дирижабли, то, оставляя огненный след, падают подбитые аэропланы, то идут ко дну корабли. И все это на фоне ярких, как театральные декорации, пейзажей в красках нужного сезона: зеленой — летом, красной и желтой — осенью, белой — зимой. Здесь нет места весенней или осенней распутице, зимним метелям и гололеду — все сглажено, и ничто не напоминает о тяготах повседневной жизни на войне: в окопах, землянках, а то и просто на голом каменистом склоне. Тут нет напрасных жертв, вроде «катастрофы армии Самсонова», нет топи Мазурских озер или смертельных газовых атак возле Осовца, нет обоюдной усталости противников от долгого сидения в окопах, ни вшей, ни гноящихся ран, ни гангрены. Штыки блещут, кони скачут, пушки бьют, и русские войска победно кричат «ура»!

Плакаты были рассчитаны на то, чтобы нести бодрое слово о войне и ее образ куда-то далеко, в самую глубь провинциальной и деревенской России, которая поставляла фронту основную солдатскую массу. Там, конечно, и подвиги, и их описание находили благодарного зрителя и читателя. То, что в приближении было страшным, грязным, низким, с большой дистанции казалось великолепным, прекрасным, зовущим.

Об этом военном угаре эпохи замечательно написал Л. Кассиль в своей автобиографической повести «Конduit и Швамброния». Он так передал настроение взрослых и детей в небольшом городке Покровске (название вымышленное, но город типичный для провинциальной России) в годы Первой мировой войны: «На парадных картинках в «Ниве» франтоватые войска церемонно отбывают живописную войну. На крутых генеральских плечах разметались позолоченные папильотки эполет, и на мундирах дышат созвездия наград. На календарях, папиросных коробках, открытках, на бонбоньерках храбрый казак Кузьма Крючков бесконечно варьирует свой подвиг. Выпустив чуб из-под сбитой набекрень фуражки, он расправляется с разездом, с эскадроном, с целой армией немцев... Мир полон войны. «Ах, громче, музыка, играй победу! Мы победили, и враг бежит, бежит, бежит...». Воззвания, манифесты... «На подлинном собственной рукой его императорского величества начертано: „Николай“ «... Война, большая, красивая, торжественная, занимает наши мысли, разговоры, сны и игры. Мы играем только в войну» [КАССИЛЬ Л., 1955: СТР. 35].

Возникает вопрос о том, насколько убедительны были для современников те картинки на военные темы, с описания которых начинается весь пассаж Л. Кассиля? Видимо, все же они были таковыми, ибо человек привык верить тому, что видит его глаз. Ведь всегда больше доверия свидетелю (видел) и очевидцу (видел своими глазами). Под многими плакатами были помещены фрагменты хроники, взятой из газет, большие цитаты из статей военных корреспондентов с точными датами, названиями мест и именами героев. Все это было призвано убедить в правдивости картинок, сопровождающих эти тексты. На деле это совсем не так.

Например, история полковника Петра Дмитриевича Комарова, случившаяся 4 (17) августа 1914 г., почти в самом начале войны. Ей посвящены два плаката: «Героический подвиг полковника Комарова» (ил. 6) и «Подвиг полковника П.А. Комарова» (ил. 7). О бое, в котором погиб П.Д. Комаров, сперва в печати прямо не упоминалось так же, как и об обстоятельствах его гибели. В газете «Московские ведомости» от 14

августа 1914 г. в заметке «Павшие на поле брани» скупое упоминалось: «Убит в бою полковник П.Д. Комаров» («П.Д.», а не «П.А.», как написано на одном из плакатов!).

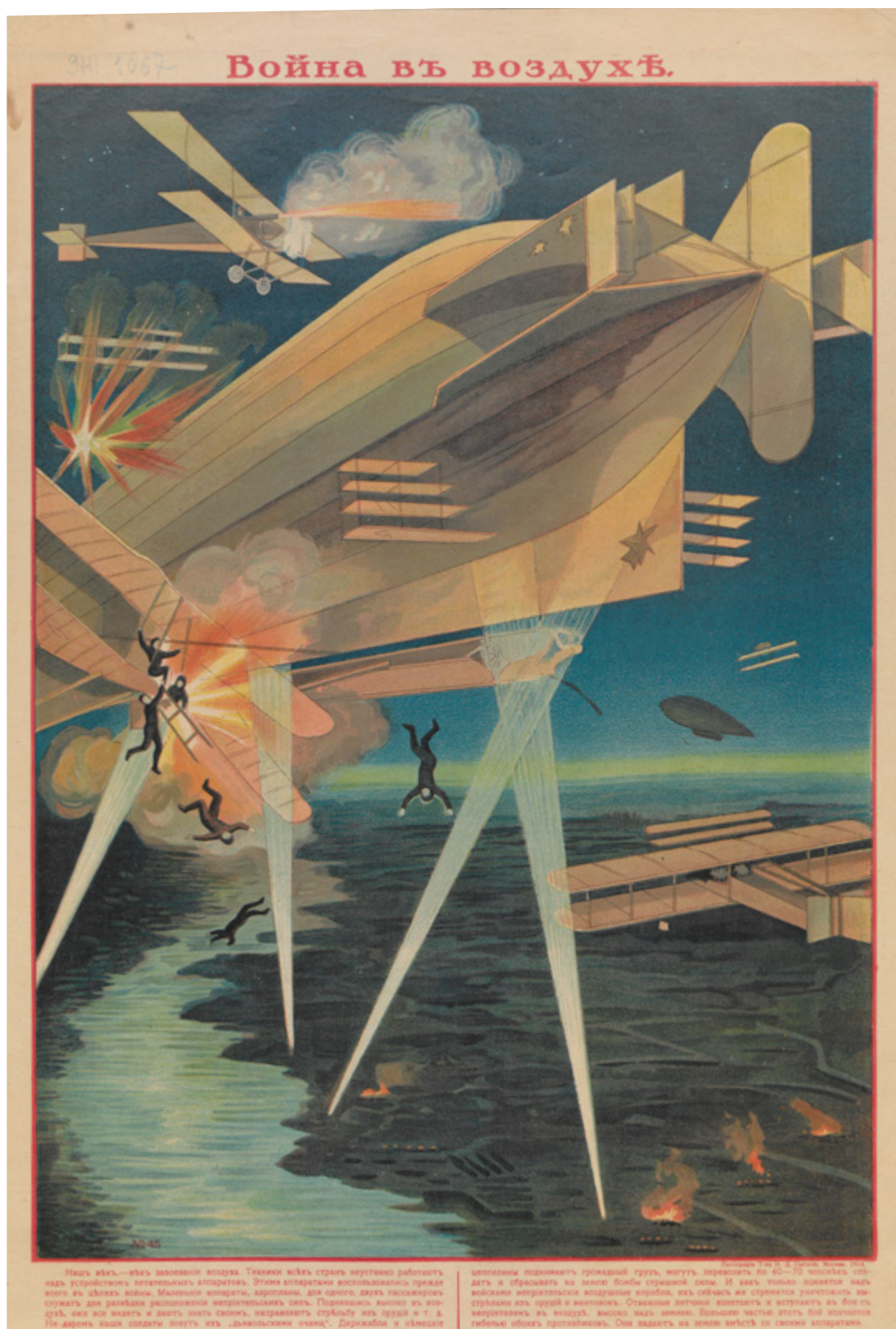
Полковник Комаров (1870—1914) руководил боем под Будвейченом, будучи уверен, что рядом с его 105-м Оренбургским полком находятся части 40-й дивизии, которые поддержат наступление. Ко времени германской атаки 105-й полк находился примерно на линии Кисельн, Иогельн, южная окраина Допенена, фронтом на север. Полк был внезапно атакован в тыл с юга и юго-запада, поэтому отпора дать не мог и почти весь погиб. Погиб и командир, полковник Комаров, убитый между деревнями Будвейчен и Сталлупенен. Неудача 105-го полка отразилась немедленно на 106-м и 107-м полках. Группы бегущих оренбуржцев внесли расстройство в ряды уфимцев, которые начали отходить, увлекая, в свою очередь, триоцких, что вызвало беспорядочное отступление.

Историю армейской неразберихи и отсутствия взаимодействия отдельных частей армии художники превратили в прекрасную картину героического подвига. На листе художника Фиалковского Комаров ведет за собой пехотинцев со знаменем в одной руке и саблей в другой; превратившись в этакое князя Андрея Болконского на аустерлицком поле нового времени — под Сталлупененом. На литографии Т-ва И.Д. Сытина он держит знамя и гарцует на белом коне. Первому изображению соответствует такой текст: «Отряд полковника Комарова преследовал неприятеля. Русский знаменосец пал. Полковник Комаров выхватил знамя из рук умирающего знаменосца и с возгласом «Вперед, ребята, все за мною!» бросился в атаку. Немцы потеряли много убитыми и ранеными и были отброшены за Эйдкунен и Сталупенен. Сам же Комаров в этой схватке был убит». Под литографией Т-ва И.Д. Сытина те же события описаны по-иному: «Один из первых пал знаменосец. Полковник Комаров, сидя на коне, подскочил к нему и, схватив знамя, крикнул: «Вперед!». В эту же минуту он, раненый, упал с коня, а потом добрался до кустов и там спрятался». Кончается текст на том, что солдаты, к их великому огорчению, нашли своего командира на следующий день, погибшим от ран.

В центре второй композиции полковник с развернутым знаменем на белом коне. Его солдаты не только не спасаются бегством, а текут сплошной рекой зеленых русских мундиров, поглощающей синюю — немецких. Непонятно, зачем в таких условиях упавшему с коня раненому полковнику прятаться в кустах. Вдали виднеются несколько вражеских танков, появившихся, наверное, для колорита всей сцены, как и островерхий шпиль собора в деревушке, возле которой и происходят события.

Косвенным подтверждением того, что такие картинки были популярны, является свидетельство племянницы полковника Комарова Н.А. Кривошеиной. В своей книге мемуаров «Четыре трети нашей жизни» (М., 1999) она писала, что помнит «отлично двоюродного дядю — Петра Дмитриевича Комарова, блестящего полковника Генерального штаба, погибшего в Пруссии в августе 1914 г. Его труп нашли только через день с древком полкового знамени в руках; о его кончине тогда много писали, всюду были его портреты, даже были лубочные картины — «Геройская смерть полковника Комарова»» [КРИВОШЕИНА Н.А., 1999].

Расходясь во множестве деталей, обе картинки сошлись в одном — подвиг Комарова связан со спасением полкового знамени. Недаром говорится: «Огню важно пламя, а воину — знамя». Авторы плакатов не волнует, как выглядел реальный Комаров, как именно обстояли дела, — они конструируют свою действительность, которой, в свою очередь, будут верить дети, подростки и взрослые, попавшие под обаяние прекрасной сказки о геройском подвиге полковника, погибшего, но ценою жизни спасшего знамя.

[РИС] 4

«Война в воздухе, № 45».
Хромолитография. В литографии Т-ва И.Д.
Сытина, Москва, 1914 г..

Еще дальше от действительности отстоит история с германским крейсером «Магдебург», произошедшая в ночь с 13 на 14 (с 26 на 27) августа 1914 года, о которой красочно рассказывает плакат «Расстрел русскими судами германского крейсера «Магдебург»» (ил. 8). Уже 15 августа 1914 года, вроде бы по горячим следам события, в газете «Московские ведомости» было опубликовано сообщение: «В ночь на 13 августа в густом тумане наскочил на мель возле наших берегов германский легкий крейсер «Магдебург». Попытки сняться с мели оказались безуспешными, несмотря на помощь подоспевших к месту аварии германских миноносцев. К утру туман рассеялся. Наши два крейсера, посланные к «Магдебургу», открыли огонь, на который крейсер отвечал, но вскоре был вынужден прекратить огонь. Во время боя на крейсере сбиты трубы, в носовой части произошел взрыв, от которого вся носовая часть до переднего мостика разрушена. Командир крейсера с частью офицеров и команды взяты в плен».

Никакого боя и потопления крейсера «Магдебург» не было. Вот как описывал историю с «Магдебургом» контр-адмирал А.Д. Бубнов в своей книге «В Ставке Верховного Главнокомандующего»: «В самом начале войны немецкий крейсер «Магдебург» выскочил ночью в тумане на островок Оденсхольм в устье Финского залива; и выскочил так, что носовая часть корпуса оказалась на суше. На рассвете сопровождавшие крейсер миноносцы сняли с него почти всю команду и ушли; на нем осталось лишь несколько матросов и командир крейсера фон Хабеннихст, что значит «ничего не имеющий» — в данном случае фамилия «вещая». Ибо он, как мы сейчас увидим, лишился всего и даже свободы. Утром на крейсер был послан отряд наших матросов во главе с лейтенантом Хамильтоном, потомком перешедшего при Петре Великом на нашу службу англичанина, с приказанием завладеть крейсером. Когда от него было получено известие о положении вещей на крейсере, командующий флотом приказал немедленно спустить водолазов с находившихся вблизи наших крейсеров, чтобы обследовать повреждения крейсера «Магдебург» и заодно посмотреть, не лежат ли вблизи него на дне секретные сигнальные книги и кодексы, каковые, по уставу всех флотов, должны выбрасывать в таких случаях за борт, если их нельзя сжечь в топках. И действительно: все эти книги и кодексы шифров радиосвязи лежали как раз под мостиком, откуда они были выброшены за борт, за невозможностью сжечь их, ибо вода немедленно после крушения залила топку. ..Об этом было немедленно сообщено в Ставку, откуда последовало распоряжение содержать капитана 1-го ранга Хабеннихста в плену в строжайшей изоляции без права общения и переписки с кем

[РИС] 5

«День объявления войны. Альбом Великой войны, № 1. (Серия «Война России с немцами»).

Хромолитография. В типо-литографии торгового дома А.В. Крылова и Ко, Москва, 1914 г.

[РИС] 6

«Геройский подвиг полковника Комарова»

Хромолитография, художник С.Я. Фиалковский. Книгоиздательство М.С. Козмана, в литографии Ф. Шауэра и В. Смирковского, Одесса, б.г.

бы то ни было, дабы он не мог сообщить каким бы то ни было путем в Германию, что в наших руках находятся сигнальные книги и шифры немецкого флота.

Благодаря этому мы в течение 1915 г. и 1916 г. свободно расшифровывали все немецкие секретные радиодепеши, что значительно способствовало успеху наших действий» [БУБНОВ А.Д., 2014: СТР. 145-146].

После этого весьма красноречивого рассказа обратимся к плакату «Расстрел русскими судами германского крейсера «Магдебург»». В центре композиции охваченный огнем крейсер «Магдебург», атакованный с двух противоположных сторон русскими кораблями. Команда крейсера частично осталась на тонущем судне, но некоторые спасаются на шлюпках и даже вплавь, цепляясь в воде за обломки мачт. Как видно, картинка соответствует газетному сообщению, но несколько не соответствует исторической правде.

Иногда искажение действительности происходило в угоду господствующему в обществе настроению. Многие современники событий вспоминают атмосферу урапатриотического угара в начале войны. Казалось, все бросились превозносить русскую идею, русский мир, русскую мощь, клясться в верности престолу и отечеству и звать к спасению угнетенных Германией и Австро-Венгрией славянский братьев. Именно в этом ряду следует рассматривать плакаты первого года Мировой войны, посвященные событиям в Польше и на ее границах.

Ни для кого не было секретом, насколько сложными и драматическими были отношения России и Польши в разные периоды истории. В начале войны, казалось, русское руководство убедило себя, что наступает новая эра — возможного объединения Польши, до того разделенной на три части между Германией, Австро-Венгрией и Россией, под эгидой русского самодержавия. На этом несбыточном проекте основано воззвание верховного главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича к польскому народу от 1(14) августа 1914 года:

«Поляки! Пробил час, когда заветная мечта ваших отцов и дедов может осуществиться. Полтора века тому назад живое тело Польши было растерзано на куски, но не умерла ее душа. Она жила надеждой, что наступит час воскресения польского народа, братского примирения с великой Россией. Русские войска несут вам благую весть этого примирения. Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром Русского Царя. Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении. Одного ждет от Вас Россия — такого же уважения к правам тех народностей, с которыми связана ваша история. С открытым сердцем, с братски протянутой рукой идет вам навстречу Великая Россия. Она верит, что не заржавел меч, разивший врага при Грюнвальде. От берегов Тихого океана до северных морей движутся русские рати. Заря новой жизни занимается для вас. Да воссияет в этой заре знамение Креста — символа страданий и воскресения народов» [ДЕНЬ, 1914, № 206: СТР. 1].

Понятно, что основополагающей идеей поляков было не «примирение с великой Россией», а «заветной мечтой отцов и дедов» являлось создание независимого национального государства — суверенной Польши. Однако преодолению «семейной вражды» двух славянских народов в России начинают посвящать публикации, как будто это было уже делом решенным [НОВОЕ ВРЕМЯ, 1914, 2 АВГУСТА]. Вторит этой популярной теме и плакат «Россия—Польша» («Во дни, когда надменный враг...») (ил. 9). Символический язык плаката очень прост и недвусмыслен: две славянские сестры (Россия и Польша) замерли в объятиях. Они одеты в цвета своих национальных флагов: Россия — в бело-сине-голубом, а Польша — в бело-красном. Их армии, готовые воевать бок о бок, олицетворяют два коленапреклоненных воина, а побежденное ими трехголовое чудовище — это Германия, Австро-Венгрия и Турция. Обращает на себя внимание, что

В 1917–1937 годах был настоятелем Свято-Никольской греческой церкви в Николаеве. Расстрелян в 1937 г. по приговору тройки УНКВО по Одесской области.

«Подвиг полковника П. А. Комарова (№ 29)». Хромолитография. В литографии Т-ва И. Д. Сытина. Москва, 1914 г.

«Расстрел русскими судами германского крейсера «Магдебург»». Хромолитография, художник С. Я. Фиалковский. В литографии Ф. Шауэра и В. Смирковского, Одесса, 14 октября 1914 г..

польский воин, в отличие от русского, стоящего под национальным флагом, аналогичного флага не имеет, что соответствует общей политической установке — призвать поляков к единению с русскими и воссоединению Польши под властью русского царя.

Неслучайно именно зверствам на польских землях, захваченных немцами, или, как их любили именовать в русских газетах, тевтонами, был посвящен целый ряд плакатов. Он должен был утвердить представление о том, что только русское присутствие может избавить братский народ от страданий. Одна из таких картинок названа «Зверства германцев под Ченстоховом» (ил. 10). Из подписи под ней следует, что изображает она события в небольшом польском городке Клобуцке, неподалеку от Ченстохова. Известно, что Клобуцк был населен, в основном, евреями. Немцы запретили им прятаться во время бомбардировок посада 19 августа (1 сентября) 1914 года, а тех, кто все же нарушил приказ и спрятался, вынудили покинуть укрытия, согнали на христианское кладбище и безо всякой жалости расстреляли. Жестокость расправы была вызвана тем, что местные евреи дали переночевать в посаде отступавшим русским частям.

Если же обратиться к картинке, то она рассказывает совершенно другую историю, на которую намекают многочисленные говорящие детали, — историю о расправе германских вояк над мирным славянским, а не еврейским населением. Около двух немецких мародеров лежат грубо выдранные из серебряных окладов иконы и большой православный крест. У крыльца лежит убитый старик в русской косоворотке, а около мертвой матери копошится ребенок в русской рубашонке. Его русая головка острижена «под горшок». На заднем плане слева пылает охваченная пламенем православная церковь. И только две женщины на первом плане, может быть, напоминают евреек.

Довольно нетривиальному сюжету посвящен плакат «Подвиг русского православного священника» (ил. 11). Он о том, как полковому священнику удалось уговорить славян, призванных под знамена Австро-Венгрии, мирно сложить оружие и не воевать с русскими братьями. Плакату, как это часто бывало, предшествовали газетные публикации. Они были посвящены подвигу отца Парфения Холодного (1874—1937) — священника 58-го Прагского пехотного полка, затем протоиерея! «Николаевская газета» от 20 сентября 1915 г. опубликовала разговор отца Парфения Холодного с корреспондентом, которому священник рассказал: «Я только что прибыл из ставки Верховного Главнокомандующего, куда был вызван для получения знака монаршей милости ко мне. Событие, за которое я удостоен столь высокой награды, уже под-

робно описывалось в газетах, и прибавить к нему нечего. Случай этот произошел 15 августа. В этот же день над расположением наших войск появился неприятельский аэроплан, а под утро на следующий день завязался жаркий бой, длившийся 16 и 17 августа. Нашему полку до прибытия подкреплений удалось выдержать натиск шести австрийских полков, а в конце штыковым ударом опрокинуть противника и выиграть бой. В этом штыковом бою первым пал капитан Эсмонт, увлекший в атаку весь полк. Дух войск в высшей степени бодр и крепок. Неудачи никого не приводят в уныние, все уверены в благоприятном исходе борьбы».

Это газетное сообщение породило чехарду в датах, поскольку отец Парфений, повествуя о своем подвиге, указал только число — 15 августа. Понадобилось выяснение даты гибели капитана Эсмонта, упомянутого выше, чтобы уточнить, что речь идет о 15 августа 1914 года. Об обстоятельствах подвига отца Парфения упомянул Г.И. Шавельский в своих «Воспоминаниях последнего протопресвитера русской армии и флота»: «58-й пехотный Прагский полк действовал тогда в Галиции. О. Парфений с полковым врачом и одним из младших офицеров в двуколке переезжали по мосту реку. Тут они наткнулись на австрийскую засаду, сидевшую под мостом. Выскочив с ружьями наперевес, австрийские солдаты окружили двуколку. О. Парфений не растерялся. Осенив крестом своих врагов, он обратился к ним с увещанием, что не стоит братьям проливать кровь и, помимо того, впереди и позади большие русские отряды, засаде не уйти от гибели и поэтому лучше, не проливая крови, сложить оружие. Речь о. Парфения была понята, так как среди напавших большинство были чехи и угроруссы. Пошептавшись между собой, они начали сдавать оружие, которое было сложено в двуколку. И пленники, конвоируемые офицером и доктором, с о. Парфением были приведены в находившийся невдалеке штаб полка» [ШАВЕЛЬСКИЙ Г.И., 1954].

На плакате некоторые обстоятельства подвига отца Парфения переданы верно: коляска, в которой ехал священник, икона Спаса Нерукотворного, мост, под которым прятались австрийцы в засаде, но природа изображена или весенняя, или соответствующая поздней осени, но никак не 15 (28) августа, дню Успения Пресвятой Богородицы: на дороге лежит тающий снег, деревья обнажены, на двух русских офицерах зимние шапки. Внешность отца Парфения на картинке не имеет никакого портретного сходства с ним.

Большое число плакатов было посвящено, как и в случае с отцом Парфением, конкретным подвигам солдат и офицеров. Любая война, а тем более претендующая на название «Священной» или «Великой», порождает своих героев и мифы об этих героях. Само слово «герой» и прилагательное от него «геройский» (вместо привычного для нас «героический») стали употребляться очень часто: «Геройский подвиг поручика Смирнова»; «Геройский подвиг рядового Каца»; «Геройский подвиг сотника Боткина» и многие другие.

Эти сюжеты тоже не всегда или не во всем соответствуют действительности. К примеру, обстоятельства подвига Дмитрия Боткина (ил. 12) переданы вроде бы верно, но искажены некоторые детали. В газете «Утро России» от 31 декабря 1914 года в разделе «Наши герои» был опубликован приказ о присвоении «ордена Георгия IV-степени лейб-гвардии Казачьего Его Императорского Величества полка хорунжему Дмитрию Боткину за то, что 3 сего декабря, находясь на разъезде, попал под сильный перекрестный огонь; приказал казакам рассыпаться и уйти назад и, оставшись затем один, был ранен и упал с лошади: после чего был окружен германской пехотой и, отказавшись сдаться, отстреливался из револьвера, и, убив германского офицера, пал геройской смертью».

В «Донских областных ведомостях» от 3 января 1915 года: «3 декабря 1914 года разъезд Лейб-Гвардии Казачьего Его Величества полка во главе с хорунжием

10

11

12

[РИС] 10
 «Зверства германцев под Ченстоховом».
 Хромолитография. Т-во типо-литографии И.М. Машистова, Москва, 23 января 1915 г.

[РИС] 11
 «Подвиг русского православного священника (№ 95)».
 Хромолитография, в литографии Т-ва И.Д. Сыгина, Москва, 1915 г.

[РИС] 12
 «Подвиг русского православного священника (№ 95)».
 Хромолитография, в литографии Т-ва И.Д. Сыгина, Москва, 1915 г.

графом Дмитрием Боткиным, неожиданно попал в хитроумную вражескую засаду. Казаки смело вступили в неравный бой, но силы их буквально таяли на глазах. Их командир понял, что свободно прорваться к своим под смертоносным градом пуль сообщать никак не удастся. Тогда хорунжий мужественно и расчетливо приказал подчиненным казакам рассыпаться и пробиваться к позициям поодиночке, а сам, будучи ранен, остался прикрывать отход товарищей-односумов. Вплотную окруженный вражескими пехотинцами, хорунжий Боткин на заманчивое предложение сдаться стойко ответил меткими выстрелами из револьвера. Отважный донской воин упорно отбивался от наседавшего врага до последнего патрона и застрелил при этом германского офицера. Граф Дмитрий Боткин пал геройской смертью. За совершенный подвиг донской офицер заслуженно пожалован орденом Святого Георгия 4-й степени».

Как легко можно увидеть, в обеих заметках речь идет о хорунжем Боткине, который на плакате из хорунжего превратился в сотника. Хорунжий — это младший офицерский чин в казачьих войсках, соответствовавший чину прапорщика, а сотник, согласно «Табели о рангах» (1884 г.) — чину поручика, мичмана или коллежского секретаря. К тому же Дмитрий Евгеньевич Боткин (1894—1914) не просто «донской воин», как писала газета, а граф, хорунжий лейб-гвардии Казачьего Его Императорского Величества полка, сын лейб-медика Е.С. Боткина. Он был совсем еще юным человеком — всего двадцати лет от роду, а на плакате изображен явно не юноша, но человек зрелых лет. О Боткине проникновенно написал в своих воспоминаниях уже цитировавшийся выше Г.И. Шавельский: «...прекрасный, толковый, честный и скромный юноша. Незадолго до ухода полка из Ставки у меня с ним как-то завязалась беседа, и мы проговорили очень долго и душевно. Через несколько дней по уходе полка на фронт я получаю от хорунжего Боткина огромное, на двух листах, датированное вторым декабря, письмо, в котором он раскрывает передо мной всю свою душу, описывает сокровенную жизнь, каюсь во всех тех грехах, которых он доселе никогда никому не открывал. Через несколько дней в Ставке было получено известие, что хорунжий Боткин убит в бою 3 декабря. Значит, письмо было написано накануне смерти. Ясно, что оно было продиктовано страшным предчувствием...» [ШАВЕЛЬСКИЙ Г.И., 1954].

Трудно сказать, зачем понадобились автору плаката такие трансформации образа. Возможно, нужно было сделать его более близким к народу: не графом, не сыном лейб-медика, а просто младшим казачьим офицером, чуждым всяких сантиментов, рефлексии и роковых предчувствий. Однако любимым героем плакатов суждено было стать не ему, не рядовому Давиду Выжимку («Русский солдат. Рядовой Давид Выжимок»), не унтер-офицеру Аввакуму Волкову («Геройский подвиг унтер-офицера Аввакума Волкова, взявшего австрийское знамя»), не генерал-адъютанту Николаю Рузскому («Генерал-адъютант Н.В. Рузский, герой Львова») и даже не любимцу русской публики авиатору Петру Нестерову («Геройский подвиг и гибель знаменитого летчика шт.-капит. П.Н. Нестерова»), а молодому казаку Козьме Крючкову.

Никому из них не удалось даже приблизиться к той степени известности, узнаваемости, которой обладал Козьма Крючков — первый георгиевский кавалер Первой мировой войны. Поистине образ Козьмы Крючкова стал вездесущим. Он украшал страницы газет и журналов, смотрел с плакатов и лубочных картинок, был на пачках папирос (ростовской фабрики Я.С. Кушнарева «Донской казак Козьма Крючков») и коробках с конфетами (конфеты «Геройские» петроградской фабрики А.И. Колесникова).

Было подсчитано, что только в собраниях двух крупнейших библиотек России (РГБ и НРБ) хранится 36 разновидностей картинок, посвященных подвигу Козьмы Крючкова, изданных в Москве, Петрограде, Одессе, Вильно, Киеве, Казани и других

городах [РОДИОНОВА Л.В., 2003: СТР. 203-204]. Трансформации обычной и вполне заурядной стычки казачьего разъезда с противником (Илл. 13, 14), участником которой и стал Козьма Крючков, в былинного размаха подвиг посвящено немало статей, поэтому не будем останавливаться на этом подробно [ЗИМЕНКО Е.В., 2014, №8, СТР. 47-50]. Скажем лишь, что вины самого Крюčkова в том нет никакой: он не занимался саморекламой, а его «назначили» в герои, и пришлось ему смириться с этой навязанной ему ролью. Героизация образа была усилена деталями, например, изображалась окровавленная шея лошади Козьмы Крюčkова — бурого коня по кличке Костяк. На художников, видимо, произвела впечатление особая «магия» чисел: многократно повторялось, что казак убил 11 немцев, получил 16 ран, его конь был 11 раз ранен. Получалось, что за каждую рану своего боевого коня Крючков убивал по одному немцу.

И никого, видимо, не смущало, что бурый конь превратился в ослепительно-белого (так эффектнее), сам Козьма Крючков вооружен то саблей, то саблей и пикой, а то и вовсе палит из ружья. Зато везде присутствуют фуражка набекрень, кудрявый чуб, выбивающийся из-под нее, — они стали его опознавательными приметами, чертами его имиджа, как бы мы сказали сейчас.

Под картинками печатались или рассказ самого Козьмы о его подвиге, или информация из газет, дополненная всякими мелкими бытовыми подробностями. Очень важно, что герой обладал не только звучным именем и был тоже Козьмой, как спаситель отечества Козьма Минин, но и оставался простым, понятным человеком со своей несложной биографией.

Вся Россия знала, что родился он в 1890 году в старообрядческой семье на Дону, на хуторе Нижне-Калмыков Усть-Хоперской станицы: «Грамоте учился дома, он не силен, но гибок, увертлив и настойчив. Всегда был первым во всех играх, требовавших ловкости. Отец Крюčkова небогат, занимается земледелием. После женитьбы Крючков и его жена были главной опорой всей семьи» [ИСКРЫ ВОСКРЕСЕНЬЕ, 1914, № 33]. И вот этот добрый казак и хороший семьянин стал зримым воплощением героического духа войны, навязанного русскому обществу официозной пропагандой.

Приведем лишь один пример гиперболизации образа Крюčkова. На картинке «Храбрый наш казак Крючков ловит на поле врагов...» (ил. 15) Крючков (всеми узнаваемый образ молодого казака с чубом, в фуражке набекрень) нанизывает на пикку сразу шесть врагов с обнаженными затылками. Среди его противников уже не некие немецкие кавалеристы, а наделенные карикатурно-портретными чертами кайзер Вильгельм II и император Франц Иосиф, Таким образом, уже сама Россия в ее войне с немецко-австрийской коалицией предстает не в традиционном образе оскалившего зубы русского медведя, как ее было принято изображать на Западе, а в образе молодого и удалого казака Козьмы Крюčkова. При этом следует оставить за скобками низкое качество и даже антихудожественность самого плаката! Та же идея была подхвачена и плакатами «Удаль казака» и «Богатырское дело Козьмы Крюčkова». Можно сказать, идея пошла в массы, но вот овладела ли умами — вот в чем вопрос.

Чем больше Россия увязала в войне, тем большее отторжение вызывали героические и псевдогероические образы, тем неуместнее становились яркие краски плакатов и лубков, тем меньше становилось поводов для восхищения. Выразилось это следующим образом. Пока в 1914 году радость побед была сильнее горечи поражений, тиражи массовой изобразительной печатной продукции шли вверх. В 1915 году война «забуксовала» — и количество плакатов, и лубков заметно уменьшилось, а к 1916 году, когда дела на фронте пошли хуже некуда, листы и вовсе стали единичными. Время сказок кончилось, и наступила пора тяжелых испытаний и великих потрясений. Как поется в песне Б. Окуджавы:

«На Германской войне только пули (пушки у Окуджавы) в цене,

13

14

15

[РИС] 13
 «Герой казак Козьма Крючков». Хромолитография. Печать торгового дома Д. Генегар и Ко, Москва, б.г..

[РИС] 14
 «Первый георгиевский кавалер Кузьма Крючков». Хромолитография. В литографии С.М. Мухарского, Москва, б.г.

[РИС] 15
 «Храбрый наш казак Крючков ловит на поле врагов...» Хромолитография. Фабрика произведений графического искусства А.Ф. Постнова, Москва, 15 сентября 1914 г.

А невесту другой успокоит...»

И тут уже неважно: о простой ли человеческой трагедии идет речь, или забывчивая невеста — революционная Россия в объятиях большевиков...

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ И ПОДПИСИ К НИМ:

[РИС] 1 «АТАКА В АДРИАТИЧЕСКОМ МОРЕ». Хромолитография. Издание М. Ларсена, в литографии И.Я. Виноградова. Москва, б.г.

[РИС] 2 «ВОЙНА РОССИИ С НЕМЦАМИ. ДЕЙСТВИЕ НАШИХ БРИЗАНТНЫХ СНАРЯДОВ» Хромолитография. В типо-литографии торгового дома А.В. Крылова и Ко, Москва, 1914 г.

[РИС] 3 «ЭПИЗОД ИЗ ВЕЛИКОГО БОЯ ПОД ВАРШАВОЙ» (Серия «Великая Европейская война, № 183»). Хромолитография., б.м, б.г.

[РИС] 4 «ВОЙНА В ВОЗДУХЕ, № 45». Хромолитография. В литографии Т-ва И.Д. Сытина, Москва, 1914 г.

[РИС] 5 «ДЕНЬ ОБЪЯВЛЕНИЯ ВОЙНЫ. АЛЬБОМ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ, № 1. (СЕРИЯ «ВОЙНА РОССИИ С НЕМЦАМИ»). Хромолитография. В типо-литографии торгового дома А.В. Крылова и Ко, Москва, 1914 г.

[РИС] 6 «ГЕРОЙСКИЙ ПОДВИГ ПОЛКОВНИКА КОМАРОВА». Хромолитография, художник С.Я. Фиалковский. Книгоиздательство М.С. Козмана, в литографии Ф. Шауэра и В. Смирковского, Одесса, б.г.

[РИС] 7 «ПОДВИГ ПОЛКОВНИКА П.А. (SIC!) КОМАРОВА (№ 29)». Хромолитография. В литографии Т-ва И.Д. Сытина. Москва, 1914 г.

[РИС] 8 «РАССТРЕЛ РУССКИМИ СУДАМИ ГЕРМАНСКОГО КРЕЙСЕРА «МАГДЕБУРГ»». Хромолитография, художник С.Я. Фиалковский. В литографии Ф. Шауэра и В. Смирковского, Одесса, 14 октября 1914 г.

[РИС] 9 «РОССИЯ—ПОЛЬША» («ВО ДНИ, КОГДА НАДМЕННЫЙ ВРАГ...»). Хромолитография, художник М.Н. Як. [М.Н. Яковлев]. Т-во типо-литографии И.М. Машистова, Москва, 12 ноября 1914 г.

[РИС] 10 «ЗВЕРСТВА ГЕРМАНЦЕВ ПОД ЧЕНСТОХОВОМ». Хромолитография. Т-во типо-литографии И.М. Машистова, Москва, 23 января 1915 г.

[РИС] 11 «ПОДВИГ РУССКОГО ПРАВОСЛАВНОГО СВЯЩЕННИКА (№ 95) ». Хромолитография, в литографии Т-ва И.Д. Сытина, Москва, 1915 г.

[РИС] 12 «ГЕРОЙСКИЙ ПОДВИГ СОТНИКА БОТКИНА. АЛЬБОМ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ, РИСУН. № 21» (Серия «Война России с немцами»). Хромолитография. В типо-литографии торгового дома А.В. Крылова и Ко, Москва, 1914 г.

[РИС] 13 «ГЕРОЙ КАЗАК КОЗЬМА КРЮЧКОВ». Хромофотография. Печать торгового дома Д. Генегар и Ко, Москва, б.г.

[РИС] 14 «ПЕРВЫЙ ГЕОРГИЕВСКИЙ КАВАЛЕР КУЗЬМА КРЮЧКОВ». Хромофотография. В литографии С.М. Мухарского, Москва, б.г.

[РИС] 15 «ХРАБРЫЙ НАШ КАЗАК КРЮЧКОВ ЛОВИТ НА ПОЛЕ ВРАГОВ...». Хромофотография. Фабрика произведений графического искусства А.Ф. Постнова, Москва, 15 сентября 1914 г.

БИБЛИОГРАФИЯ:

БУБНОВ А.Д. В Ставке Верховного Главнокомандующего. М. [2014]

ЗИМЕНКО Е.В. Не сотвори себе героя: о художественном образе Козьмы Крюкова. / РОДИНА, № 8. С. 47–50. [2014]

КАССИЛЬ Л. А. Кондуит и Швамбрания. м. с. 35. [1955]

КЕРЕНСКИЙ А.Ф. Россия на историческом повороте. М. [1993]

КРИВОШЕИНА Н.А. Четыре трети нашей жизни. м. [HTTP://M.LITFILE.NET/READ/34029/29585-30587?PAGE=5](http://m.litfile.net/read/34029/29585-30587?page=5). (ДАТА ПОСЛЕДНЕГО ОБРАЩЕНИЯ 10.10.16) [1999]

ШАВЕЛЬСКИЙ Г.И. Воспоминания последнего пропресвитера русской армии и флота. НЬЮ ЙОРК. [HTTP://MILITERA.LIB.RU/MEMO/RUSSIAN/SHAVELSKY_GI/INDEX.HTML](http://militera.lib.ru/memo/russian/shavelsky_gi/index.html) (ДАТА ПОСЛЕДНЕГО ОБРАЩЕНИЯ 10.10.16) [1954]

Воззвание Верховного Главнокомандующего, Великого Князя Николая Николаевича к полякам. / ДЕНЬ, 1914, № 206, 2 АВГУСТА. С. 1.

Искры Воскресенье, № 33, 24 АВГУСТА. [1914]

Примирение братских народов. / НОВОЕ ВРЕМЯ, 1914, 2 АВГУСТА.

Tales of the Great War

E. ZIMENKO

KEYWORDS:

First World War, Great War, placard, heroes of war, declaration of war, Russia and Poland, Klobuck, Teutons

ABSTRACT: The article analyses the Russian placards of First World War. The image of the war-celebration, victorious war and heroes of the War dominated the media of that period. These pictures were addressed to the masses and created a good disposition of War. As these pictures was a products of fantasy of the artists, they were far from reality. After the first chain of defeats in 1915 production of those pictures was reduced and reached its minimum in 1916.

REFERENCES

BUBNOV A.D. V Stavke Verkhovnogo Glavnokomanduyushchego. M. [2014]

ZIMENKO E.V. Ne sotvori sebe geroya: o khudozhestvennom obraze Koz'my Kryuchkova. / RODINA, № 8. S. 47–50. [2014]

KASSIL' L. A. Konduit i Shvambraniya. M. S. 35. [1955]

KERENSKIY A.F. Rossiya na istoricheskom povorote. M. [1993]

KRIVOSHEINA N.A. Chetyre tret'i nashey zhizni. M.. [HTTP://MLITFILE.NET/READ/34029/29585-30587?PAGE=5](http://mlitfile.net/read/34029/29585-30587?page=5). (DATA POSLEDNEGO OBRASHCHENIYA 10.10.16) [1999]

SHAVEL'SKIY G.I. Vospominaniya poslednego propresvitera russkoy armii i flota. N'YU YORK. [HTTP://MILITERA.LIB.RU/MEMO/RUSSIAN/SHAVELSKY_GI/INDEX.HTML](http://militera.lib.ru/memo/russian/shavelsky_gi/index.html) (DATA POSLEDNEGO OBRASHCHENIYA 10.10.16) [1954]

Vozzvanie Verkhovnogo Glavnokomanduyushchego, Velikogo Knyazya Nikolaya Nikolaevicha k polyakam. / DEN', 1914, № 206, 2 AVGUSTA. S. 1.

Iskry Voskresen'ye, № 33, 24 AVGUSTA. Ц

Primirenie bratskikh narodov. / NOVOE VREMYA, 1914, 2 AVGUSTA.